

Сергей Георгиевич Жунин родился в 1906 году. Русский. В КПСС вступил в 1944 году. Накануне Великой Отечественной войны был помощником командира 8-го танкового полка 36-й кавалерийской дивизии. В июле 1941 года возглавил группу народных мстителей. В апреле 1942 — марте 1943 года являлся командиром 36-го партизанского отряда. В октябре 1942 — августе 1943 года командовал «Объединенными отрядами Борисовского оперативного центра», 8-й Круглянской партизанской бригадой. С августа по декабрь 1943 года — командир Круглянской военно-оперативной группы. С декабря 1943 по июль 1944 года — командир 8-й партизанской бригады Брестской области. Награжден орденами и медалями СССР. Герой Советского Союза (15.VIII.44 года). Умер в 1977 году.

КЛЯНЕМСЯ ТЕБЕ, СТРАНА!

Это случилось 6 июля 1942 года. После ночного перехода мы отдыхали в лесу возле деревни Большие Каскевичи. Многие партизаны, пользуясь случаем, сняли обувь, развесили на кусты портянки. Шутили, смеялись. От костра, где хлопотал наш повар, тянуло приятным запахом картофельного супа со свежими грибами. Кое-кто уже нетерпеливо крутил в руках ложку. И вдруг:

— Товарищ командир, немцы! — подбежал ко мне разведчик Василий Кирпичев, который до этого стоял в дозоре на дороге, ведущей к деревне.

Действительно, в полукилометре от опушки отряд гитлеровцев разворачивался для наступления на наш временный лагерь. Вскинув к глазам бинокль и бегло осмотрев ряды противника, я понял, что легким испугом тут не отделаешься: предстоит жаркий бой.

— Рассчитывают сломить нас психической атакой, — заметив, как поднялась первая шеренга гитлеровцев и с

автоматами наперевес двинулась к лесу, взволнованно сказал кто-то из партизан.

— Без команды не стрелять! — последовал приказ. — Всем занять боевые позиции.

За первой поднялась вторая шеренга фашистов, за ней — третья. Идут молча, уверенно, грузно. Почему-то кажется, что под их сапогами прогибается земля. До опушки им уже 300... 200... 150 метров. У кого-то из наших все же не выдержали нервы: выстрелил... И от этого выстрела сразу ожила опушка. Затарактели все наши восемнадцать ручных и один станковый пулемет, забухали ротные минометы, пошли в дело винтовки, автоматы.

Краем глаза я видел немного впереди себя за щитком «максима» пулеметчика Федора Рогулина, а рядом с ним — Петю Лаппо. Оба они словно приросли к земле, уперлись босыми ногами в корни и, кроме немцев, ничего вокруг себя не замечают. Резко работает их пулемет. Нечего ребятам даже вытереть пот на висках...

Лобовая атака захлебнулась. Но затем, ослабив нажим в центре, гитлеровцам удалось потеснить фланги Алексея Симановича и Петра Кудрявцева. Тактика известная и заключалась она в том, чтобы, ослабив бдительность противника, устроить ему «мешок». Замысел немцев мы разгадали вовремя. Бой разгорался с новой силой. Василий Петров с двумя пулеметчиками Михаилом Навоевым и Петром Рединым устремились на помощь левому флангу обороны. В это время каратели мелкими группами просочились к центру нашего лагеря. Здесь их встретил огнем станкового пулемета Алексей Неведомский.

А несколько минут спустя угроза нависла на правом фланге отряда. Фашисты предпринимали там атаку за атакой. В запасе у партизан всего лишь два ящика патронов. Отказал миномет у Михаила Кулаковского. Сражен немецкой пулей Яков Лаппо. Рядом отбивается юный партизан Володя, сын Якова. Смертельно ранен Леша Неведомский. К нему на помощь спешит пулеметчик Михаил Навоев.

В пылу боя не заметили, как наступили сумерки. Воспользовавшись этим, отходим в глубь леса. Пересчитываем свои ряды. Много раненых. Но полсотни человек еще могут принять бой, если противник полезет в новую атаку. Товарищи передают им свои патроны, гранаты.

— Идут! Цепью идут гады! — это голос дозорного Семена Доманькова.

Мы приготовились к встрече. Все предупреждены — гранаты бросать только по команде Тихона Ковецкого. Гитлеровцы уже совсем близко. Взрываются семь гранат. Вслед за ними летят еще семь. Напористо, зло стрекочут пулеметы. Каратели не выдерживают, бегут назад, к деревне. Их немного осталось, горсточка. Партизаны делают вслед врагу последние выстрелы. Кончились патроны. Но нет, по сути дела, и противника перед нами. Десятки трупов увезли назавтра гитлеровцы с опушки каскевичского леса.

Я подробно рассказал об этом бое потому, что он проходил в то время, когда наши ряды желали быть намного крепче. Схватка явилась и испытанием наших сил и нашим опытом. Она показала, что мы научились уже владеть партизанской тактикой, вселила уверенность в сердца людей. Многие бойцы проявили в тот день образцы стойкости и мужества.

Памятным остался и еще один факт: назавтра, после каскевичского боя, комсомолец Иван Кулаковский решил вступить в ряды коммунистов. Он подал нашему парторгу заявление, в котором заверял своих старших товарищей, что до конца будет мстить фашистам за поруганную честь отцовской земли. Его товарищ Михаил Нудельман — наш партизанский поэт, который никогда не расставался с карандашом и блокнотом, переложил на стихи слова «Присяги белорусского партизана». Стихи тут же подхватили бойцы соседних отрядов и вскоре декламировали их наизусть:

Клянусь тебе, страна,
быть впереди в бою.
И будет враг дрожать
от моего удара.
А если струшу я
иль клятве изменю,
Суровая меня
пускай постигнет кара.

В один из июльских дней кто-то из наших связных принес в лагерь минскую подпольную газету «Звезда». Она обращалась к белорусским партизанам:

«Ты бачыш, на фронт цягнуцца нямецкія эшалоны, грузаныя снарадамі, боепрыпасамі і тэхнікай: узрывавай чыгуначнае палатно, масты, пускай пад адхон саставы! Гэтым ты палегчыш наступленне Чырвонай Арміі. Бачыш тэлефонны кабель: разарві яго! Парушыўшы сувязь, ты ўнясеш замяшанне ў асяроддзе ворага... Партызан, чуеш,

як плачуць твае дзеці, твая маці, твая жонка. Адвядзі ад іх бяду! Стань ім абаронай!»

Все, кто мог держать оружие, шли на борьбу с врагом. В конце лета 1942 года в Круглянском районе уже действовали несколько партизанских отрядов. Руководили ими Дмитрий Куликов, Георгий Мисник, Александр Терновский, Антон Машицкий и я. Еще в июне эта боевая семья слилась в «Объединение отрядов «Дяди Саши». Так ее называли по имени командира «Объединения» Александра Морщинина*.

На совете командиров, который состоялся 26 августа 1942 года, решили провести боевую операцию силами «Объединения» на железнодорожной станции Славное, которая являлась очень важным пунктом на магистрали Минск — Орша — Смоленск. Мы знали, что Славному оккупанты уделяют большое внимание: гарнизон охраны станции насчитывал без малого 200 солдат и офицеров, по окраинам поселка были вырыты окопы, сделаны блиндажи и дзоты. Ночью выставлялось девять трехсменных постов. На каждом посту — станковый пулемет.

Операцию по разгрому Славное мы провели в ночь на 28 августа. В ней приняли участие партизанские отряды «Сергея»**, «Кулика»*** и Мисника, действия которых поддерживались огнем 45-миллиметровой пушки и двух минометов. Партизанам помогали также около 500 человек из ближайших деревень, вооруженных лопатами, ломами, топорами.

В ходе 3-часового боя уничтожили все вражеские укрепления, водокачку, здание вокзала, более сотни фашистских солдат и офицеров, в радиусе 1,5—2 километра от станции полностью разрушили железнодорожное полотно. Чтобы описать бой во всех его подробностях, понадобился бы не один десяток страниц. Он описан в моей книге «От Днепра до Буга». Повторяться не стану. Но нужно обязательно назвать имена тех, кто проявил мужество в операции на станции Славное, о которой гитлеровское командование вынуждено было доложить в Берлин самому Гитлеру. Это — Борис Вершинин, Петр Лощаков, Михаил Навоев, Петр Редин, Александр Павлюк, Федор

* С октября 1942 года командиром «Объединения отрядов «Дяди Саши», переименованного в «Объединенные отряды Борисовского оперативного центра», стал С. Г. Жунин. (Ред. кол.).

** Партизанская кличка С. Г. Жунина. (Ред. кол.).

*** Партизанская кличка Д. А. Куликова. (Ред. кол.).

Никулин, Валерьян Суханицкий, Иван Маркин, Михаил Шумейко, Федор и Семен Диденки, Павел Булыгин, Андрей Мацура, Григорий Иванов, Василий Маковецкий, Иосиф Фролов, Иван и Михаил Кулаковские, Геннадий Кудин, Николай Юрин, Михаил Шерстобитов, Петр и Василий Лаппо, Константин Солоненко, Алексей Симанович, Петр Кудрявцев, Иван Токарев, Александр Черников, Иван Мацура, Анатолий Горбунов, Иван Храпов, Николай Подолкин, а также павший в этом бою Евгений Жидяев.

«Движение поездов было остановлено на трое суток» * — эта скупая строка из текста мемориальной доски, которая установлена на здании вокзала станции Славное, говорит о многом. Ведь это было то самое время, когда под напором фашистских армий Красная Армия отходила на Брянском, Юго-Западном и Южном фронтах, когда враг подошел к Воронежу, захватил Донбасс и начал бои за выход к Волге, стремясь овладеть Сталинградом.

В тот трудный час партизаны стремились помочь Родине чем могли. Разгромив станцию Славное и остановив тем самым движение на одной из основных железнодорожных магистралей, мы на некоторое время лишили врага возможности продвигать на передовые линии новые эшелоны с живой силой и техникой. Это была наша крупная победа.

В сентябре 1942 года партизаны нашей зоны, занимавшей часть территории Круглянского и Шкловского районов, разгромили вражеский гарнизон в Денисовичах, а затем провели еще несколько диверсий на железной дороге. Тогда гитлеровское командование организовало против нас одну за другой две карательные операции под кодовыми названиями «Сова» и «Карлсбад». Воинские части врага блокировали круглянские и часть шкловских отрядов. В октябре две пехотные дивизии и два батальона СС плотно зажали кольцо вокруг партизанской зоны. Чтобы спастись от неминуемого поражения, оставался единственный выход: прорвать блокаду и выйти из окружения. Ценою жизни многих боевых товарищей партизанам удалось использовать эту единственную возможность. Оказавшись за пределами смертельного кольца, мы почти двое суток были на марше, прежде чем позволили себе сделать передышку. Остановившись в лесу возле хутора Старая Готовщина,

* Частично по одной колее движение возобновлено через 12 часов. (Ред. кол.).

провели совещание командиров, комиссаров и начальников штабов, на котором проанализировали итоги четырехнедельных боев с карателями. И хотя результаты не очень радовали, все же решили подготовиться и в ближайшее время разгромить вражеский гарнизон в Мартьяновичах: пусть, дескать, знают гитлеровцы, что партизаны, несмотря на жестокую блокаду, по-прежнему живут и действуют.

Ровно в 2 часа ночи 9 декабря взвилась красная ракета. Пронизывающий северный ветер обжигал лица, захватывал дыхание. Развернутым строем партизаны без шума вошли в деревню и оцепили гарнизон. Немногим гитлеровцам удалось уйти живыми. Здесь, в Мартьяновичах, в качестве трофеев мы взяли 150 лошадей со сбруей, несколько станковых и ручных пулеметов, более сотни винтовок, два миномета и большое количество патронов.

В этой операции особо отличились роты Михаила Кулаковского, Петра Лощакова, Петра Редина и отряд шкловских партизан под командой Андрея Никитченко, которые примкнули к нашему «Объединению» в октябре 1942 года.

27 декабря 1942 года на заседании межотрядного партбюро было принято обращение к населению Круглянского района. В нем говорилось: «Прошло то время, когда немецкие оккупанты торжественным маршем могли ходить по нашей земле... Гитлеровские планы взятия Москвы и Ленинграда провалились... Настало время расплаты. Все силы на борьбу с фашистами! Да здравствует партизанская война!»

Это обращение, размноженное под копирку в сотнях экземпляров, засылалось в полицейские гарнизоны и подразделения РОА, распространялось среди населения. Результаты не замедлили сказаться: более активную помощь стали оказывать нам жители деревень, начали переходить на сторону партизан многие полицейские и власовцы.

Наступал 1943 год. Мы внимательно прослушали из Москвы новогоднюю радиопередачу, она вселила в нас новые силы, придала уверенность в борьбе. Нашим партизанским откликом на нее стала диверсия на железнодорожном перегоне Коханово — Орша, проведенная на рассвете 1 января. Под откос полетел эшелон. Разбито 10 вагонов и несколько платформ. Это сделали комсомолки Валентина Королева и Валентина Подчуфарова под руководством Василия Матюшевского.

Еще через несколько дней подрывники нашего 36-го отряда повторили диверсию на «железке». На этот раз в

вагонах оказалось теплое немецкое обмундирование. Большую часть его нам удалось увезти на партизанскую лесную базу. Оно очень пригодилось нам в зимнее время.

Как-то январским днем 1943 года ко мне в командирскую землянку зашел коммунист Тихон Ковецкий, спокойно сел за самодельный березовый столик, начал разговор издалека:

— Ох и трудным был двадцать пятый год, когда я вступал в комсомол. Но двадцать девятый, пожалуй, потруднее выдался: кое-кому не по душе пришлось колхозы, а потому частенько доводилось активистам слышать свист пуль из кулацких обрезов. Но не испугались мы, продолжали отстаивать ленинскую линию. А еще через три года я в нагрудном кармане уже носил партбилет...

— Ты к чему это, Тихон? — не понял я своего боевого товарища.

— А к тому, Сергей Георгиевич, что и тебе, нашему командиру, пора быть коммунистом, — уже напрямик сказал Ковецкий.

— Что верно, то верно! — поддержал его комиссар отряда Василий Петров. — Непорядок какой-то выходит: командир такого объединения, всем нам голова, а в партии не состоит.

И хотя я давно сам думал об этом несоответствии, все же разговор товарищей застал меня врасплох. А почему, действительно, я не коммунист до настоящего времени? Ведь это они, коммунисты, научили меня любить Родину и ненавидеть ее врагов, бороться с фашистами и мужественно переносить неудачи. Так почему же я не в их рядах? Почему остановился на том, что считаю себя беспартийным большевиком? Не мало ли этого?

В этот же вечер в присутствии Ковецкого и Петрова я написал заявление, а 25 января 1943 года был принят коммунистами нашего объединения кандидатом в члены партии. С этого дня еще больше почувствовал ответственность за свои поступки перед людьми, которыми руководил, перед Родиной, перед великой партией коммунистов.

Наши диверсионные группы еженедельно ходили на боевые задания к железнодорожной магистрали Минск — Орша. И всегда им мешал вражеский гарнизон, который находился в деревне Дубовое на пути к «железке». Особенно это гнездо укрепили после разгрома станции Славное в августе 1942 года. Гитлеровцы из дубовского гар-

низона часто устраивали засады возле деревень Залазье, Замостье, Зяблицы и Еленка. Мы решили уничтожить гарнизон силами 24-го и 30-го партизанских отрядов, общее руководство операцией поручили начальнику особого отдела штаба ВОГ* Дмитрию Александровичу Чигину.

Когда партизаны подошли к гарнизону, короткая летняя ночь близилась к концу. Впереди всех шла рота Михаила Соколова. За ней — партизаны 30-го отряда. И вдруг с вражеской сторожевой вышки застрочил автомат... Тревога! Партизаны попадали на землю, осторожно, короткими перебежками стали продвигаться к цели. Их наступление прикрывал пулеметчик коммунист Иван Виноградов. Минута, другая, и совсем неожиданно для всех пулемет Виноградова замолк.

— Что такое? В чем дело? — забеспокоился коммунист Дмитрий Чигин, глядя в глаза Виктора Жибутовича.

— Я сейчас... Я проверю, — с готовностью ответил комсомолец, но не успел отползти и десяти метров, сам поник головой.

Неизвестно почему ослабил свой огонь и 24-й отряд Георгия Мисника, наступавший с правого фланга. Операция могла захлебнуться, а этого никак нельзя допустить. Никак!

— За мной, ребята! — во весь рост поднялся Дмитрий Чигин и бросился к деревне. — За-а мно-ой! Впе-ре-од!..

Вот уже и крайние хаты. Только бы до них добежать, укрыться от огня. Там все обернется по-другому. Двадцать, пятнадцать, всего лишь десять метров осталось и... не добежал, упал, скошенный вражеской пулей, Чигин. Невдалеке от него, корчась от боли, лежал тяжело раненный начальник разведки 30-го отряда коммунист Георгий Каврига.

— Жора, что с тобой? — бросился к нему на помощь родной брат Алексей и тут же упал сам, прошитый пулеметной очередью.

Особенно донимали фашисты из крайнего дзота. Надо во что бы то ни стало уничтожить огневую точку врага! Это сделал секретарь парторганизации 30-го отряда Ми-

* 28 июня 1943 года решением Могилевского подпольного обкома партии 8-я Круглянская партизанская бригада была преобразована в военно-оперативную группу (ВОГ) при Круглянском РК КП(б)Б. Командиром ВОГ был назначен С. Г. Жуниц, начальником штаба — К. И. Матеж. (Ред. кол.)

хаил Макаревич. Две гранаты, брошенные им, попали в огнедышащую амбразуру. Умолк немецкий пулемет...

Умолк. Не бьется и сердце парторга...

Не удалось партизанам уничтожить вражеский гарнизон. Отступили отряды, потеряв многих своих товарищей. Война есть война. И я вспоминаю об этой нашей неудаче лишь для того, чтобы еще раз подчеркнуть ту отвагу, тот героизм, с которым шли на бой лучшие наши товарищи, коммунисты. В самые трудные моменты они, жертвуя собой, вдохновляли остальных на подвиги во имя Родины.

А дубовский гарнизон мы все же разгромили. Это случилось несколько позже, накануне широко известной операции «Рельсовая война». Путь к железной дороге открыли, и 3 августа 1943 года наши партизанские отряды вышли на участок Славное — Троцилово. Операция прошла успешно. Выведено из строя два семафора, перебили 1028 рельсов. После нашей «работы» три километра железной дороги требовали капитального ремонта.

1 сентября на заседании Круглянского подпольного райкома партии мы подвели итоги партизанской борьбы за 8 месяцев 1943 года. Кроме перечисленных операций на боевом счету бригады числились разгромленными вражеские гарнизоны в Новом Полесье, Павловичах, Шeverничах, Олешковичах и Александровке. Итоги радовали всех нас и воодушевляли на новые подвиги.

В связи с тем, что Тихона Никитовича Ковецкого назначили заведующим отделом пропаганды и агитации Круглянского подпольного райкома партии, комиссаром 8-го отряда утвердили Михаила Федоровича Навоева. Начальником штаба Круглянской ВОГ тогда же назначили коммуниста кадрового офицера Красной Армии майора Константина Ивановича Матежа.

На этом же заседании командиром 8-го партизанского отряда назначили коммуниста Ивана Гавриловича Ильина. Дмитрий Куликов — организатор и первый командир этого отряда — ушел от нас: его утвердили секретарем подпольного райкома комсомола. Год назад Дмитрий Андреевич стал коммунистом и проявил себя хорошим организатором молодежи.

Вскоре Круглянский подпольный райком комсомола учредил Книгу почета. В нее заносили имена лучших комсомольцев, отличившихся в боях. В числе первых записали в Книгу фамилии Валентины Подчуфаровой и Ивана

Тульцева из 36-го отряда, Михаила Свободчикова, Ивана Чайкова и Софьи Леонович из 8-го отряда, Константина Градюшки из 12-го отряда, Алексея Лукашевича, Петра Нестерова и Владимира Лопаревича из 28-го отряда, Якова Карташова из 30-го отряда.

В один из октябрьских дней 1943 года в заозерском лесу созвали первую подпольную районную комсомольскую конференцию. Вместе с секретарем райкома партии Филиппом Новиковым и секретарем райкома комсомола Дмитрием Куликовым мы стоим на окраине поляны, и, несмотря на прохладное утро, наши сердца полнятся радостной теплотой. С винтовками и автоматами, гранатами, со всей своей боевой амуницией собирается на поляну молодежь. Обветренные, пропахшие порохом и дымом, в разной одежде и обуви, идут молодые партизаны на свою комсомольскую конференцию. Вот прошли мимо нас помощники комиссаров по комсомолу Николай Стриков, Александр Яковлев, Василий Савичев, Федор Рыбаченок, Иван Щитников. Каждый из них успел отличиться в борьбе за свободу Отчизны. Как один, смелые, инициативные, боевые ребята.

За ними идут Николай Заполянский, на счету которого 8 спущенных под откос вражеских эшелонов, Александр Бакулев, Константин Головков, Илья Лопаревич, у этих по 6 зарубок на прикладах автоматов: каждая из них — подорванный эшелон. Почти по стольку же диверсий совершили Александр Конюшков, Сергей Шаломанов, Николай Агафонов.

Нет, к сожалению, среди делегатов конференции Валентина Лопаревича и Василия Бучко. Но дорого стоила их жизнь немецким оккупантам. Валентин пустил под откос пять эшелонов, Василий — четыре.

— Молодые летчики в воздухе, моряки на море, танкисты, снайперы и кавалеристы на земле сокрушают живую силу и технику врага, — убежденно и горячо говорил, выступая перед комсомольцами, Филипп Сидорович Новиков. — Мы с вами также являемся солдатами. Ни днем ни ночью не даем покоя фашистам и их наймитам, уничтожаем живую силу, транспорт, связь. Растут ряды комсомольские. Если во всех отрядах нашей партизанской зоны осенью сорок второго года насчитывалось лишь тридцать восемь комсомольцев, то сейчас, спустя год, без малого триста. Шестьдесят восемь лучших членов ВЛКСМ за это время приняли в ряды партии.

Выступившие на конференции припомнили немало героических эпизодов, непосредственными участниками которых были комсомольцы, те юные патриоты, которые вместе со своими старшими товарищами по оружию беззаветно служили Родине, приближали светлый час Победы.

В заключение участники комсомольской конференции единодушно приняли постановление, каждый из пяти пунктов которого намечал конкретные задачи в боевой деятельности молодежи на ближайшее время.

Как всегда, комсомольское слово не расходилось с делом. Уже 26 октября на 611-м километре железной дороги Минск — Москва молодые подрывники пустили под откос вражеский поезд. А еще через день диверсионная группа, в состав которой входили Алексей Аксенов, Варвара Градюшко, Владимир Сименюк и Тимофей Юбко, успешно провела операцию на станции Борисов: три паровоза, одна подземная цистерна емкостью в 12 тонн и пять железнодорожных цистерн с горючим взлетели в воздух от партизанских мин.

Отважно сражались с врагом многие юноши и девушки наших партизанских отрядов. Об Алексее Лукашевиче и Валентине Подчуфаровой, которых круглянские партизаны больше знали под именами-псевдонимами Леонида и Натки, о юной разведчице Татьяне Крючковой и о других мужественных ребятах уже рассказывалось на страницах этой книги. Мне же хочется остановить внимание читателя на подвиге Бориса Кривошеина — еще одного орленка нашей партизанской семьи.

Этот паренек, успевший до войны окончить только пять классов Ухвальской средней школы, которая, кстати, теперь носит имя его боевого товарища и друга Героя Советского Союза А. С. Лукашевича, попал в ряды партизан в начале мая сорок второго года. Его родителей вместе с другими односельчанами незадолго перед тем расстреляли фашисты. Подростка подобрал где-то на проселочной дороге Александр Терновский и привел в лесной лагерь. То было время, когда наша партизанская группа перерастала в отряд и мы с удовольствием принимали новое пополнение. Но мальчишка — грязный и оборванный, изголодавшийся за время своего бродяжничанья по деревням в поисках куска хлеба — был, казалось на первый взгляд, далеко не той фигурой, на кого можно было бы положиться в нелегкой и ежедневной борьбе с врагом.

— Детский сад вместо боевого отряда решил устроить,

Александр Андреевич? — строго спросил я Терновского, товарища по борьбе, но, еще раз взглянув на тощенькую фигурку подростка, махнул рукой: дескать, что тут делать будешь — не отправлять же сироту в свет белый.

И хорошо, что не отправил. Борис (так с самого первого дня стали звать юного партизана в отряде, хотя настоящее его имя было Иосиф) оказался очень смекалистым пареньком и незаменимым участником многих боевых операций. Свое первое крещение прошел Борис уже в начале июня 1942 года, когда вместе с Терновским и Акимом Айсеевым ходил на разведку в деревню Выдрица. Вернувшись с задания, он тут же вычертил на клочке бумаги не только точную схему расположения огневых точек вражеского гарнизона, но и указал количество живой силы противника.

Спустя некоторое время, когда в нашей партизанской зоне был создан еще один отряд, командиром которого стал А. А. Терновский, Бориса Кривошеина определили к нему ординарцем. В этой же должности оставался паренек и при следующих командирах 28-го партизанского отряда — И. П. Александрове и А. П. Инякине. В августе 1943 года находчивого и смелого паренька приняли в ряды комсомола. А погиб юный герой буквально за месяц до полного освобождения Могилевщины от немецко-фашистских оккупантов, находясь в разведке.

...На рассвете 5 декабря 1943 года 12, 15, 36 и 40-й партизанские отряды Круглянской и Шкловской военно-оперативных групп, которые согласно приказу Белорусского штаба партизанского движения вошли в 8-ю бригаду, покинули Могилевскую область. В суровых условиях зимы, по глубоким тылам противника нам предстоял нелегкий путь в Брестскую область. Там, оставаясь верными партизанской клятве, мы должны были приумножить нашу боевую славу.